

18+

МОТЫЛЕК
над жергиңенем
ПЛАМЕНЕМ 18+

*Кэри
Трай*

Кэрри Прай Мотылек над жемчужным пламенем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345677

ISBN 9785449876072

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Она – заядлая мечтательница, которая черкает четверостишья и залято верит в чистую любовь. Он – апатичная личность. Социопат без судьбы, которого сожрали пороки. Ее ждало большое будущее. Он родился мертвецом. Они по-разному больны и одинаково неизлечимы. Они зависимы и одновременно свободны. Они противопоказаны друг другу, но инъекция любви уже разошлась по венам.

Содержание

Глава#0	5
Глава#1. Варя	9
Глава#2. Витя	20
Глава#3. Варя	31
Глава#4. Витя	43
Глава#5. Варя	48
Глава#6. Витя	59
Глава#7. Варя	69
Глава#8. Витя	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Мотылек над жемчужным пламенем

Кэрри Прай

© Кэрри Прай, 2020

ISBN 978-5-4498-7607-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава#0

*Любовь – это бред,
Где да значит нет.
Дыши и думай через нос,
Целуй мой пистолет.
И если я смогу, то не усну...*
© Глеб Самойлов.

Я убил свою мать кипятильником.

Эту прибаутку приходится рассказывать каждому, кто вздумал подружиться со мной. Скромное заявление безотказно действует на людей – они крутят пальцем у виска и пропадают с горизонта. Болваны даже не догадываются, что тем самым я спасаю им жизнь.

В свои семнадцать я добился полного презрения со стороны общества и с гордостью ношу повешенные им ярлыки:

СОЦИОПАТ.
ОДИНОЧКА.
САДИСТ.
МРАЗЬ.

Последний мне вручила мамаша одноклассницы, которую я цинично спустил с лестницы. Девчонка получила перелом

ключицы и сотрясение мозга, после чего она пролежала месяц в больнице и пропустила юбилей бабули, на котором та скончалась. Казалось бы, я сделал ей одолжение, ведь не каждый пожелает смотреть на труп с праздничным колпаком на голове, да с кремовыми усами вокруг бездвижного рта, но девчонка решила иначе. Заявление в полицию, жалоба директору, громкий пост на страничке «ВКонтакте» и негодование общественности – все это, собственно, и спровоцировало мое исключение из школы, а ведь до выпуска оставалось жалких полгода.

Впрочем, я был рад расстаться с классом дегенератов, где каждый парень считал себя крутым рэпером или блогером, а вот о занятиях проституцией девчонки трепаться не любили. Каждая из них знала, что нужно быть максимально аккуратной, что если она предложит свои услуги не тому, какой-нибудь предвзятой мрази, например, то рискует быть спущенной с лестницы.

Да, я был рад расстаться с классом дегенератов, но лишь одна мысль о том, что теперь придется заново выстраивать толстую стену, которая отгородит меня от новых одноклассников, невероятно выматывала. Я потратил целых десять лет, чтобы нынешняя стала непробиваемой. Год за годом я складывал ее по кирпичикам, кропотливо промазывал каждый шов, но все рухнуло – завтра меня ждет новая школа.

Я живу в аварийной хрущевке с отцом алкоголиком и не могу отказаться учебны, так как в школе выдают талончи-

ки на бесплатную еду, если ты малоимущий или твой отец – алкоголик. Я подхожу сразу по двум пунктам, но талончики от этого не удвоились, что сильно удручает. Одной котлетой сыт не будешь, поэтому после школы я подрабатываю грузчиком на местном рынке, и тем самым могу позволить себе плотный ужин. Безумно жаль, что в школьной столовой не готовят шаверму.

У меня нет друзей. Нет девушки. Нет того, кто мог бы поинтересоваться о моих делах и здоровье. Но у меня есть секрет. О нем знают только те, кто продает мне повод обзавестись этим секретом. Продавцы поводов еще те молчуны, поэтому я не волнуюсь. Но если мой секрет все же узнают, я буду только рад.

Это станет пожизненной гарантией моего неприкосновенного одиночества.

Мне нельзя заводить друга, нельзя заводить товарища и даже хомячка, потому что мое присутствие погубит их. Мне нельзя любить и позволять быть любимым. Мне проще не существовать, ведь я бесполезен для этого мира. От дырявого пакета пользы больше, чем от меня. Даже мой отец, Анатолий Звягин, неосознанно повышает рейтинг алкозависимых в стране, а я ничего не делаю. Я бесполезно прожигаю дни и храню свой маленький секрет.

Завтра меня ждет новая школа, но не новая жизнь. Не изменится ровным счетом ничего: я буду ловить на себе косые взгляды, буду слышать шепот за спиной, буду чувствовать их

страх, может быть кого-нибудь побью, и меня снова исключат. Быть может всякое. Но одно знаю точно, что вчера, сегодня и завтра – я буду под секретом.

Глава#1. Варя

Последняя неделя перед зимними каникулами – отличное время, чтобы расслабиться и не переживать о четвертных оценках, потому что все внимание учителей упадет на должников и прогульщиков, но все же мне беспокойно.

Пора бы начать пить антидепрессанты, что так хвалит моя мать.

До начала урока еще тридцать минут, а я уже успела разложить принадлежности, поставить число на полях и переписать тему с доски. Приходить в школу значительно раньше остальных меня вынудили мои же одноклассники. Второй в класс зайдет учитель, я буду не одна, а значит они побоятся дать мне пинка для скорости или же кинуть несколько язвительных фразочек в спину.

Так сложилось, что я белая ворона в классе. В попытке остаться незамеченной я привлекаю только большее внимание. Парадокс, но это так. И дело не в детском хобби коллекционировать значки на булавке, отчего мой рюкзак усеян цветными кругляшками с изображениями звезд кино и различными именами, и даже не в привычке улыбаться каждому встречному, пусть он только что толкнул тебя в стену и обозвал плохим словом, а в том, что я не такая.

Вместо того чтобы кичиться новыми часами от «Apple», я лениво вожу ручкой по корочке тетради, погруженная в соб-

ственные размышления. Когда мои одноклассники болеют с похмелья после шумной вечеринки, я болею новой книгой и пью успокоительные, когда погибает полюбившийся герой. Их волнуют лишние килограммы и количество лайков на фото. Меня волнует беспокойное море и пурпурный закат, что так не любит задерживаться. Они сидят на правильном питании и мечтают встретить благополучного жениха. Я сутками сижу за компьютером и мечтаю о личном сборнике стихов.

Да, я пишу. Много. Часто. Постоянно. Мне нравится подбирать метафоры, придумывать рифмы, превращать предложения в красивую песню и мысленно засыпать под собственную колыбельную. И все бы ничего, только подобное увлечение не котируются в нынешнее время.

– Что это? Черновик любовных писем? Серьезно?

– Гляньте, наша Варя снова соплей на бумагу напускала!

– Тарасова, будь другом, напиши стишок моей девчонке, якобы от меня, а я попрошу не цеплять тебя неделку.

– Дура, лучше займись своей прической и переоденься.

Выглядишь жалко.

Подобные высказывания я слышу через день, стоит мне только открыть свой черновой блокнотик. И пусть на обложке красуется Britney Spears с выколотыми глазами и подрисованной до колен грудью, внутренности моего тайничка давно обросли перламутровыми ромашками и нежными выюнками.

Там мои мысли. Моя правда. Мои желания. Там вся я. Свободная и открытая.

Стрелка часов встает на восемь, а учительский стол до сих пор пустует. Весьма печально, потому что в кабинет вваливается толпа орущих одноклассников – 11 «Б» всегда отличался животными повадками. Они с грохотом кидают свои сумки на парты, елозят стульями по полу, ругаются матом, а я улыбаюсь. От них пахнет табаком и мятной жвачкой, перегаром и сладким парфюмом, а я все улыбаюсь. Они считают меня тронутой и неприкрыто ненавидят, а я все равно продолжаю улыбаться.

– Всем по местам! – гремит классная, проходя в кабинет. У нее новое платье-рубашка, но старая прическа. Недавно ее бросил муж, поэтому из макияжа на лице женщины только мешки под глазами. – Тишина, одиннадцатый «Б»!

Ее не слышат. Она им не указ. Она пустое место.

В доску летит бутерброд, что так старательно прятал от стервятников Сысоев – староста класса, но так и не сумел уберечь. Ломтик хлеба падает на пол, а вот молочная колбаса задерживается на доске между темой урока и неразобраным предложением, но в итоге тоже шмякается на пол.

Дерзкая выходка выводит учителя из себя.

– Заткнулись все! – она ударяет указкой по столу и краснеет в лице.

Глотая смешки, ученики рассаживаются по местам, а я улыбаюсь.

– Каникулы еще не начались, – злостно подмечает учитель. – Мне ничего не стоит переставить часы пересдачи на праздники.

Ей ничего не стоит – еще бы! Ее бросил муж, детей нет, а старая кошка Маргоша не самая лучшая компания за новогодним столом, да и шерсти много. Хотя на ее месте я не была бы столь консервативна. Как же это здорово, что я не на ее месте.

– Познакомьтесь, это Витя Звягин. Он будет учиться с вами, – смягчившись, говорит Мария Анатольевна. – Очень надеюсь на ваше гостеприимство.

Класс утихает. Все мы смотрим на дверной проем – там никого.

– Витя? – недоумевает учитель, и тогда черный ботинок касается порога.

Новичок неохотно передвигает ногами, но так и не доходит до учительского стола, он останавливается. Даже на фоне аспидно-серой доски он выделяется черным пятном. А его руки, они белоснежные. Ненормально красивые.

Кто начинает шептаться, кто-то оценивать его обувь, кто-то возвращается в телефонную игру, а я перестаю улыбаться. Кому только в голову взбрело перевестись в выпускном классе, да в середине года?

– Думаю, программа не сильно разнится, – говорит Мария Анатольевна. – На чем вы остановились в прошлой школе? Тропы? Синтаксис?

Звягин Витя смотрит в пол. Молчит. Я не вижу его лица, потому что он спрятался его под плотным черным капюшоном. Он прячет себя сознательно, отчего разжигает во мне большее любопытство. Его губы сложены в тонкую полоску. Он не здесь. Не с нами. Но где?

Там интересно?

– Две серебряные по математике? – вслух удивляется классная, держа в руках характеристику парня. – Похвально. Ты будешь первым и единственным медалистом класса. Олимпиада региональная?

Он молчит. Смотрит в пол и молчит. Мне жутко хочется узнать цвет его глаз. Какой он?

Агатый? Кофейный? Янтарь?

Его игнор бьет обухом по самолюбию Марии.

– Не потерплю головных уборов в моем присутствии, – замечает она. – Можно попросить тебя?

– Я здесь гость, не нужно петиций, – неожиданно отвечает парень и нервно срывает капюшон. Поднимает светловолосую голову. Смотрит сквозь. Редко дышит.

Льдинки. Его глаза – мутные льдинки.

Стало холодно. Я поежилась, но продолжала пялиться на немногословного новичка.

Меня не интересовала его личность, только образ. Загадочный, отрешенный, даже болезненный, но невероятно увлекательный. В чем его секрет? Хандра? Казалось, будто сама депрессия поцеловала его, оставив эстетичный след.

Этот парень поистине восхитительный предмет вдохновения.

– Можешь выбрать любое свободное место, Виктор, – предлагает учитель и новичок осматривается.

Сердце дернулось в груди. Нижняя губа заныла в зубах. Захотелось покурить. Что он выберет? Кого он выберет?

– Ну же, Витя, не робей, – подбадривает его Мария, и получает гневный взор в ответ.

Третий ряд, пятая парта. Третий ряд, пятая парта. Третий ряд, пятая парта. Ну почему он выбрал первый? «Камчатка» – верное решение, но почему первый? Почему?

Новичок бросает портфель на стул. Садится. Скрещивает пальцы. Утыкается губами в костяшки. Редко дышит. Почему ты выбрал первый, парень? Почему?

– Записываем тему урока и выполняем первое задание самостоятельно.

Послышались усталые вздохи. Зашелестели страницы. Ребята нависли над своими тетрадями, кто-то лег спать. Витя не шевельнулся. Я тоже.

– Кто будет готов ответить, прошу к доске.

Почему ты выбрал первый? Я хочу услышать твой запах. Какой он? Сладкий? Горький?

Больничный? Можно описать тебя в стихах?

– Сысоев! – кричит учитель, отчего я вздрагиваю. – Немедленно убери свой завтрак с пола или это сделает директор!

Под хохот учеников Сысоев подбирает ломти хлеба и бросает их в мусорку. Тем временем я выдыхаю и мысленно благодарю учителя за то, что выдержала меня из наркотического транса. Я на секунды стала одержимой.

– Разговоры! – предупредительно кричит Мария. – Всем за работу!

Во мне бурлят эмоции. Голова наполнена розовым туманом. Все еще подумываю о сигарете, хотя никогда не курила. До краев переполненная эмоциями, я тянусь к блокноту и пытаюсь записать четверостишье. Пишу и тут же зачеркиваю. Кусаю губы. Пишу и зачеркиваю. В голове буря ассоциаций, тысячи слов вертятся на языке, но я не могу определиться и снова зачеркиваю.

Большая часть урока пролетает незаметно.

– И так, кто-нибудь готов ответить? – все голоса отошли на второй план. Я будто бы в банке. На лбу выступают испарины. Сейчас мне легче раскрасить фотобумагу флитчарт-фломастером, чем написать одно слово. Одно гребаное слово...

– Я не слышу. Никто? Значит, пойдем по журналу...

– Тарасова хочет, Мария Анатольевна. Не нужно по журналу.

– Тарасова?

С мучением вывожу две первые строчки, но снова спотыкаюсь. Держу карандаш над заглавной буквой, практически вдавливаю его в бумагу.

– Тарасова!

Ломаю стержень.

– Что? – поднимаю голову и удивленно моргаю. Глаза режет яркий свет, будто я выбралась из подземелья. На меня обрушаются взгляды всего класса. Он тоже смотрит. Смотрит так, что я невольно чувствую себя виноватой. Но за что?

– Тарасова, ты произвела разбор предложения? – с вымогающей интонацией спрашивает Мария Анатольевна. – Ну? – учитель буквально берет меня за глотку.

Откашлявшись, я начинаю хвататься за тетради и листать учебник; точилка и ластик падают на пол; ладони становятся влажными; меня лихорадит. Он видит это. – У тебя все в порядке, Варя? – недоумевает учитель.

– Да... все хорошо.

Мне помогает Светка Верещагина, что сидит впереди, она хватается мой блокнот и язвительно читает:

– Ты как мираж в снегах зыбучих, как пламя ледяной свечи... Что за дерьмо?

Класс заливадается гоготом, а я заливаюсь краской. Учитель округляет глаза, а он их отводит. Сгорая от стыда, я вырываю блокнот из рук мерзавки и возвращаюсь на место. А в действительности мне хочется вернуться во вчера, заболеть ангиной или отравиться и пропустить неделю школы.

– Может быть новенький хочет ответить? – интересуется Мария, в попытке избавить меня от излишнего внимания.

Часть одноклассников оборачивается к Звягину.

– Разве по мне видно, что я этого хочу? – практически рычит он.

– Мне трудно догадаться, чего вы хотите, молодой человек, – фыркает учитель.

– А ты хочешь? – бросает он и еле заметно улыбается. – Хочешь, чтобы я тебе ответил? – звучит двусмысленно и крайне дерзко.

– Прости? – краснеет учитель.

– Я прощаю тебя, если ты этого хочешь.

– Ууу, – хором запел класс.

Я не верю собственным ушам, но благодарю судьбу, что так молниеносно мой позор перестает быть сенсацией. Грубость Звягина слишком откровенная и ничем не обоснованная, отчего я смею предположить, что это некая подмога.

– Я хочу, чтобы ты не забывался! – взрывается Мария. Она безостановочно прочищает горло и держится за пуговку воротника. Нервничает. Последний раз так неуважительно с ней общался только бывший муж.

– Как скажешь, милая, – Звягин касается пальцами бледных губ и шлет воздушный поцелуй. – Тебя я точно не забуду, – подмигивает.

Парни открывают рты от удивления. Девчонки смущенно хихикают. Я же проглатываю ревностный ком и пытаюсь избавиться от горького послевкусия. Почему мне не все равно?

Откуда этот эгоизм?

– Понимаю, – криво улыбается Мария, смотря на парня

с высока. – Ты – новенький, тебе нужно выпендриться перед классом. Показать себя красивого, верно? – она говорит так, будто пьяна. – Только на меня это не действует. К следующему уроку я спрошу с тебя по полной, и даже не надейся на снисхождения, медалист ты хренов.

Ученики не устают охать. Мария кривится, а Витя улыбается. Очевидно, ее ответ его удовлетворил. Но зачем он это делает? Зачем играет на чувствах?

Звенит звонок, и новичок первый подрывается с места, но учитель просит его задержаться. Я торопливо скидываю вещи в рюкзак, сквозь толпу пробираюсь к выходу, но торможу у порога и прислушиваюсь.

– Поверь, Витя, так будет лучше.

– Мне это не нужно.

– Прекрати вредничать. Сейчас все решим. Эй, ребята, кто поможет Вите адаптироваться и собрать... – К черту это все!

– Я помогу! – на обороте выкрикиваю я и врезаюсь в грудь, намеревавшегося уйти, новичка, а в меня врезается раздражительный взгляд.

Эти глаза обещают проблемы. Много проблем.

– Ты? – усмехается он. – Затравленная стихоплётка предлагает мне помощь?

Его вопрос становится полной неожиданностью для меня, ведь я думала, что мы подружимся; что мне больше не придется искать пару на лабораторную и крутить обруч

на физкультуре, пока остальные перекидываются мячами; что он займет место рядом со мной и станет предметом вечного вдохновения. Боже, да я просто дура!

Он ждет моей реакции, на что я улыбаюсь. Моя улыбка дрожит, щеки вспыхивают, глаза на мокром месте, а он выгибает брови.

– Да что с тобой такое?

Сама не знаю.

– Смотрите! – верещит Светка и тычет в меня пальцем. – Тарасова влюбилась! Она вся покраснела! Тарасова влюбилась в новичка!

Дикий смех взрывает голову – грязный театр. Мне стыдно. Все что они говорят – неправда. Почему именно сегодня я здорова? Почему не заболела ангиной?

Я ищу в ледяных глазах поддержку, но не нахожу ее. Убегаю.

На крыльце школы стоят восьмиклашки. Они курят. Встаю рядом с ними. Вдыхаю едкий дым. Вдыхаю глубже, отчего горло саднит. Кашляю. Я будто бы с похмелья. Мне хочется смеяться и плакать. Мне хочется писать стихи. Писать и плакать. Писать и плакать.

Забиваю на уроки и мчусь домой. Там мама, она поругает. Там папа, он понимающе промолчит. Там сестра, она похвастается новой пластилиновой фигуркой. Там не заметят моего волнения и не разглядят тревоги. Но главное, там не будет новичка.

Глава#2. Витя

Как же все бесит! Как же бесит, а!

Новая школа, новые тупые одноклассники, а еще эта девчонка... Зачем она смотрела на меня? Зачем, твою мать, она так смотрела? Она что-то знает?

После уроков я не спешу домой. Мне нужно встретиться с Герой. Срочно встретиться. У Геры есть то, что мне нужно. У него этого валом. Гера мне не друг и даже не приятель, но он делает все, чтобы я был счастлив. Наши встречи кратковременны, но нередки. Я не люблю Геру, скорее всем сердцем ненавижу, но он делает все, чтобы я снова был счастлив.

– О, Витяня, давненько не виделись, – лживо подмечает Георгий и протягивает мне костлявую руку. – Как жизнь молодая?

От него воняет ацетоном и жареной рыбой. Мне он мерзок, и дело не в амбре.

– Спасибо, хорошо. С каждым днем кончается, – без энтузиазма отвечаю я.

Тонкие губы парня натягиваются. С красных ноздрей хлещет пар.

– А ты как всегда, само очарование. Нравится быть пасмурным?

– Да я бы рад очароваться, только нечем, – посмотрев по сторонам, я наклоняюсь к уху парня. – Выручай, Гера,

в понедельник рассчитаюсь.

Наше рукопожатие моментально разъединяется.

– Так дело не пойдет, – трясет он головешкой. – Шиш тебе. Я не кредитую, забыл?

Должников земля не любит, а ты люби себя, Витя.

Гребаный Аристотель. Так и вижу его мудрость на надгробной плите, лет так через десять. Сдохнет от большой любви к себе, определенно.

– Так ты не поможешь мне? – спрашиваю с возмущением, на что тот иронично поджимает губы. Он издевается, это видно без лупы.

Во мне снова все кипит. Я смотрю на серое существо и ищу причины не ломать его изящные колени. Через скрип зубов мне удастся взять себя в руки.

– Братан, ты ведь знаешь, я не левый какой-то. Рынок пустой. Работа только в конце недели появится. Я все отдам.

Гера истерически смеется. Он явно не нуждается в зубах.

– Говорю же, отдам, – не унимаюсь я. – В понедельник, не позже. Я хоть раз тебя подводил? Ты можешь мне верить.

Он понимающе кивает, соглашается, а потом вцепляется острыми пальцами в мой затылок, притягивает к себе и едко, как змей, шепчет:

– Послушай, Витя, это тебе не конфетная лавочка, а я не волшебница. Зато гоблинов тут валом. Размотают так, что мама родная не узнает, – процедил он и набрал побольше воздуха. – Ты подумай, прежде чем скандал устраивать,

а лучше «спасибо» скажи, что мы с тобой нянькаемся. Вы малолетки вообще отбитые. Только и рискуй с вами. А если ты, щенок, еще раз гавкнешь, я сам лично на тебя намордник надену, понял меня?

Как же он меня бесит.

Перед глазами бетонная стена, уклеенная ободранными объявлениями и громкая фраза о силе духа, а рядом плакат о ничтожности жизни. На плакате том парень плачет над разбитым смартфоном – автор явно ничего не смыслит в ничтожности.

– Да не рычи ты! Понял все! – я грубо отталкиваю его от себя.

– Манеры, – усмехается он, поглаживая грудь.

Перед тем как уйти, я нарочно плюнул мерзавцу в ноги, чтобы хоть как-то облегчить прилив ярости. Гера неприкосновенен, и прекрасно об этом знает, только поэтому гаденыш позволяет себе вредничать. Но порой все меняется: кто-то встает на ноги, кто-то в прыжке ломает эти ноги, кто-то во все их лишается. Пусть помнит об этом гнида.

Как же меня все бесит! Бесит Гера! Бесит пустота! Бесит то, что она смотрела на меня!

Что она знает?

Несмотря на гололед под ногами, я стремительно ускорял шаг. Если уж Гера не смог мне помочь, то родная комнатуха и стопка CD-дисков с любимой музыкой точно успокоят. Есть такие стены, что не давят, они укрывают, а мне срочно

нужно укрыться. Затаиться. Спрятаться от этого мира, которому я не мил. Впрочем, наши чувства взаимны, поэтому я ускоряюсь.

Образовавшаяся на пути компания из двух парней и одной девчонки, на высоченных каблуках, как на ходулях, была дерзко раздвинута.

– Эй, греmlin, смотри куда прешь! – кинул один из них в спину.

Останавливаюсь. Закрываю глаза и протяжно выдыхаю, тем временем они продолжают кидать словесные камни:

– Чучело деревенское! Наверное, на электричку опаздывает!

– Ага, точно! Ты только посмотри в каких он лохмотьях! На базаре, видать, отоваривался! Езжай туда, откуда приехал, деревенщина!

Распахнув глаза, я подтянул бегунок на молнии до упора и поправил капюшон. Я сделал это неспроста – дал время исчезнуть искрам, что так игриво расплясались перед глазами.

Танец был что надо. Зажигательный.

Развернувшись, я попер на неприятелей, но когда один из них выставил вперед кулаки, то тут же осекся.

– Офигеть, это что... кулаки? – испугался я. – Ты показываешь мне кулаки, парень?

Это они?!

Явно недоумевая, борец затряс дурацкой шапкой с бубоном на нитке.

– Не бей меня, пожалуйста! Не бей! – умолял я, пряча лицо руками. – Боже, ты так меня пугаешь! Убери эти огромные кулаки!

Моя реакция заметно их воодушевила. Всех троих. Девчонка начала смелее разжевывать жвачку, а подбородки парней вздернулись.

– Я не буду тебя трогать, придурок, – скривился боксер и гордо отряхнул ладони. – Делать мне больше нечего, как об тебя мараться.

Друзья поддержали его смешками, а я решил остаться самим собой. Выпрямившись из унижительной позы, я как следует проработал шею, а потом вцепился в горло самого горлового и буквально просверлил своим носом его нос.

Все моментально заткнулись.

– Не хочешь мараться, воробушек? – подразнил я, состроив сочувствующее лицо. – Испачкаться боишься?

Парень всячески скрывал свой испуг, но уже обмяк в моих руках.

– А вот я свинья та еще...

После этих слов я несколько раз ударил по его носу и трясущийся челюсти. Хлынувшая алая кровь измарала мои руки. Удовольствие наступило мгновенно.

– Эй, ты что натворил, придурок? Ты сломал ему нос!

Сильнее сжав кулак я наблюдал, как трескается на костяшках застывшая кровь.

– Говорил же, что люблю мараться, – прошептал я и по-

вторил удар.

Нехило испугавшись, девчонка с криком поскакала на другую сторону дороги, что показалось мне весьма правильным решением, а вот у друга избитого совести оказалось чуть больше.

– Пусти его, парень, – покаянно заговорил он. – Ему в больничку надо. Я округлил глаза и посмотрел на разбитый пятак.

– А что болит? Носик?

Бедолага содрогнулся и сглотнул сгусток крови, но так и не смог ответить.

– Прости нас, парень, и отпусти, – перед моим лицом возникла пятитысячная купюра.

Оранжевая и шуршащая. Такой я в руках никогда не держал.

Долбанные мажоры, знают чем подкупить!

Сжав деньги окровавленной рукой, я направился навестить Геру. Он будет удивлен видеть меня снова. А я буду бесконечно рад.

– Псих! – убегая, кинули трусишки, но меня это уже не волновало.

На секунду я представил их на плакате «Ничтожная жизнь», и вышло потрясно.

Мне хорошо. Меня практически ничего не бесит.

Открыв входную дверь, я почувствовал сбивающий с ног

аромат. Воняло водкой и папиросами. По всей видимости, отец получил пенсию и с честью это отметил.

За многие годы я усвоил одну жестокую истину. Чтобы быть сыном алкоголика и наркоманки достаточно всего лишь родиться. Уйма вещей делает человека уязвимым: деньги, особенно легкие, водка, наркотики, но не всегда это дети.

Стать таким, каким я стал, было бы ничтожно мало шансов, если бы меня заставляли делать уроки и не позволяли шататься по улицам с утра до ночи. Мой мозг не был бы таким извращенным, если бы мне давали читать книги или покупали развивающие игры. Я бы мог стать космонавтом, мог стать поваром или знаменитым хирургом, но я тот, кем стал.

Бесполезным и озлобленным.

– Витька, дуй сюда, сволочь, – прокряхтел отец из кухни. – Признавайся, это ты мои деньги спер, засранец.

Скидываю кроссовки и бросаю портфель на пол. Полегчало. Неохотно волочусь на кухню и наблюдаю уже вьевшуюся в память картину: отец, подпирающий голову татуированным кулаком, и пустая бутылка водки, подпирающая его шаткую жизнь.

– Гони сюда мои деньги, тварь! – рычит алкаш, смотря в одну точку.

Во мне не вспыхивает ни одной эмоции. Сейчас я скуп на злость.

– Денежки? – повторяю я, расстегнув молнию мастерки.

– Да! Денежки! – рявкает он. – Сюда их! На стол! Быстро!

– Хорошо, хорошо.

Медленно прорабатываю шею и подхожу к скрючившейся фигуре. Смотрю. Думаю.

Вздыхаю. Хватаюсь за бутылку и замахиваюсь.

Отец тут же валиться на пол и утыкается лбом в мои ноги.

– Не надо, сынок! Прошу! Черт попутал!

Я равнодушно пожимаю плечами. – Ну если ты про-
сишь... Возвращаю бутылку на стол, отпихиваю ничтоже-
ство и направляюсь в свою комнату. Закрываюсь. Включаю
магнитофон и падаю на кровать. На потолке висит старин-
ный плакат группы Queen [1], молодой Freddie Mercury [2]
улыбается мне, а я улыбаюсь ему. Я так редко улыбаюсь, по-
этому скулы немного побаливают. Льется смерть в откры-
тый рот...

Кто тебе сказал, что здесь никто не умрет?

И если я скажу, то я совру.

Парам-пам-паба-уууу... [3]

Я принял необходимое успокоение, мне стало хорошо, а все другое отошло на второй план. Да какой там на второй? Вообще перестало существовать. Я пялился на плакат и уже не видел там образы рок-исполнителей. На картинке и в моем просветленном мозгу порхали белоснежные мотыльки, тепло разливалось по венам, а нежный голос мамы шептал на ухо, что все замечательно.

«А ведь действительно, – радостно думал я. – Да, у меня есть секрет. Сумасшедший секрет. Я сам немного сума-

шедший, но кому какая разница? Идите к черту, лицемерные людишки, что так любят укорительно мотать головкой! Вам нужно было спасти меня раньше, перерезать трубы обторканной мамаше еще до роддома, травить меня таблетками, когда я был в утробе, а сейчас уже поздно».

За моей спиной семнадцать лет бессмысленной жизни. Я не гонял футбол на спортплощадке, не переводил бабушек через дорогу, даже кино не смотрел, потому что был заложником двухкомнатного, наполненного всяким отребьем, притона. Я хотел повеситься на бельевой веревке, но лишь вывешивал на нее самостоятельно постиранное белье, так как мать не думала меня переодевать, а заношенная одежда жутко раздражала кожу. В такие моменты я часто задумывался о бомжах, у которых вообще нет возможности взяться за мыло и прекращал жаловаться.

Лет так в восемь мать перестала давать таблетки, которые предназначались мне при рождении. Она тупо пропивала деньги и пропускала квоты. Мне становилось хуже внутренне. Я выглядел хуже внешне. Я был похож на заморённого червя в майке. Такой жалкий, но по-своему счастливый.

Перед маленьким зеркалом в ванне, я с любопытством наблюдал за кровоточившими деснами, сплевывал кровь в треснутый «тюльпан» и улыбался рыжими зубами, но не понимал всей дурноты ситуации. Я жрал снег, когда хотелось пить, и не понимал всю дурноту ситуации. Я со смехом кашлял после очередной сигаретной затяжки, что пред-

лагали мне дружки мамы, и не понимал всю дурноту ситуации. Вместо алфавита я заучивал матерные фразочки, которые смог подслушать. Я завтракал сухой лапшой и любил отдира́ть полоски обоев, а порой жевал их. Меня не допускали к ровесникам, не разрешали приближаться к другим детям, не показывали солнечного света, а не понимал всю дурноту ситуации.

Всякий раз, когда гости покидали наш дом, мама ползла на корточках до ванны и просила умыть ее, я невольно шел за ней, хотя ненавидел эту процедуру. В эти моменты она была не моей мамой. То существо, что временами овладевало ей, говорило максимально нежно:

– Витюша, милый, маме плохо. Помой мне голову, дружок.

Я не мог отказать ей, потому что любил. Тогда я еще был способен на подобную слабость. Мне приходилось мылить блондинистые волосы мамы, пока та закатывала глаза от удовольствия и пускала пену изо рта.

Я любил маму. Любил до тех пор, пока не понял что со мной. К тому времени я уже учился в пятом классе частной школы. Частной, потому что там учились такие же уроды, как и я. Моя любовь закончилась мгновенно, по щелчку пальца. В тот день она попросила умыть ее и нагреть воду в ванной... Ты хочешь знать,

Сколько крови на мне?

Достаточно, чтобы вечно гореть В огне мне, безумному

гаду,

Живи, дура, и будь себе рада.

Но почему эта девчонка так смотрела на меня? Почему так смотрела?

Парам-пам-паба-уууу...

[1]: Британский рок-группа, добившаяся широчайшей известности в середине 1970-х годов, и одна из наиболее успешных групп в истории рок-музыки.

[2]: Британский певец парсийского происхождения, автор песен, вокалист рок-группы Queen. В 1991-ом году умер от СПИДа.

[3]: Текст песни Глеба Самойлова – «Любовь – это бред».

Глава#3. Варя

Недавно в одном женском журнале я прочитала, для того чтобы перестать себя стесняться и прибавить себе уверенности, нужно ходить по квартире обнаженной и привыкать к собственному телу, а лучше находить в нем явные плюсы. Едва ли я могу расхаживать нагой по квартире, где живут мои родители и маленькая сестра, поэтому приходится раскрывать халат перед зеркалом, словно ты домашний эксгибиционист, и прищурившись, искать эти чертовы плюсы. Они настолько малы, что практически неуловимы. Однако, бледная кожа и тонкая талия высоко котировалась в XII веке, но почему сегодня всех впечатляют объемы?

Так вышло, что густой золотистой шевелюрой мама наградила только младшенькую, а мне подарила грязноватый цвет волос и цинично отобрала грудь. Зато отец поделился худобой и невзрачными ореховыми глазами. Ненормально большими глазами. На фоне тонких скул они кажутся просто огромными. От бабушки я унаследовала сутулую осанку, а дедушка поскупился на подарки, что невероятно радовало, ведь он страдал косоглазием. В общем и целом, я представляю собой неказистую худышку, которой чужды слова «шопинг» и «мода».

– Варя! – кричит шестилетняя Аришка, и я моментально укутываюсь в халат. – Варька, я тебе сейчас такое покажу!

Сестренка вбегает в комнату и тычет в меня разноцветным куском пластилина.

– Красиво?

Дабы развить моторику Арины, мама скупает резиновую глину коробками, что несомненно является глупостью, ведь ребенок совершенно здоров.

– Что это? – спрашиваю я, потуже затягивая пояс. – Планета Земля?

Она смеется в ладошку.

– Нет. Это твоя голова. Мама говорит, что у тебя она пластилиновая. Смотри, я даже твои волосы в нее закатала.

Внимательно разглядев безобразную подделку, я тяжело вздыхаю.

– Чудно. Положи это на стол. После школы я решу, куда ее определить.

Счастливая Аришка скачет к письменному столу, а я влезаю в приготовленные с вечера вещи. Бежевые колготки в снежинку и болотного цвета платье – не фонтан прикид, но максимально удобный. Мои зимние валенки на шнуровке отлично дополняют скучный образ, а цветастый шарф его разбавит.

Сегодня я решаю оставить волосы распущенными и не мучаю их тугой резинкой. Из макияжа на мне гигиеническая помада. Из украшений – рюкзак.

– Ты написала стишок для меня? – спрашивает Арина, листая мой блокнотик.

Я ревниво вырываю его из рук сестренки и прячу в рюкзаке, между учебником химии и дневником, чтобы не помялся.

– Извини, малыш, но последнее время я не могу писать. Нет вдохновения.

– Это потому что тебе надо влюбиться, – неожиданно заявляет она. – Я вот когда в Гришку Семенова влюбляюсь, то сразу же танцевать хочу и рисовать.

Мне смешно и завидно. Аришка с ног до головы покрыта зеленкой, так как недавно подхватила ветрянку, но все равно чувствует себя принцессой. Девчонка смотрит на свое отражение с неподдельным восхищением, пусть и напоминает жабу. Мне есть чему у нее поучиться. Определенно.

– Пожалуйста, влюбляйся в своего Гришку реже, чем пять раз в месяц, – улыбаясь, прошу я. – Ты изрисовала все мои учебники, а мне их еще в библиотеку сдавать.

– Договорились. Но с тебя стишок.

Я пытаюсь быстро проскочить мимо кухни и незаметно покинуть квартиру, но профессиональный взор моей мамы улавливает любое движение, пусть даже это микроскопическая пылинка в воздухе. Иногда ее назойливость пугает.

– Куда это ты? – возмущается она. – А завтрак? Моя рука ложится на сердце.

– Я не голодна, мам. Честно. Прости, опаздываю.

– Глупости, – не сдается она. – До начала уроков еще целых полтора часа. Зачем ты всегда выходишь так рано? Ты что-то скрываешь?

– Я? Нет, конечно.

Блондинистая женщина в дверном проеме смотрит вынуждающим взглядом, нервно трясет ногой, отчего мне приходится сдаться. Я бросаю рюкзак на стойку с обувью и лениво волочусь на кухню. На глаза сразу же попадает тарелка с жирными сырниками и шматок пожелтевшей сметаны.

Гадость.

– Доброе утро, дочка.

Здесь папа, он пьет чай, читает газету и успевает слушать новости – дает фору Цезарю, а мама насильно усаживает меня на стул и открыто оценивает мой внешний вид. Ненавижу, когда она так делает. Это невероятно напрягает. Бесит. Убивает.

Сырник встает поперек горла и буквально душит. Я закашливаюсь.

– Это тебе, – мама бросает на стол небольшой ежедневник. На нем рисованная девчонка, она прячется под зонтом от огромных алых капель.

– Что это?

– Менструальный блокнот, – невозмутимо заявляет она, и я снова давлюсь, а вот отец настойчивее утыкается в газету.

– Мама!

– А что тут такого? Тебе пора следить за своим циклом. Ты вообще собираешься вести половую жизнь? Давно пора.

Я краснею. Злюсь. Неспроста я ненавижу семейные завтраки, обеды и ужины – эти трапезы ненароком отбивают ап-

петит. То мы обсуждаем мою нерестующую грудь, то некачественно бритые ноги, а то и вовсе – менструацию!

Гадость.

Моя мать – представитель крупной косметической фирмы, посему стремление к красоте – ее главная задача. И если Ариша с успехом взбирается по выстроенной мамой эстетической лестницы, то я – полнейшее ее разочарование. Впрочем, как и отец. Михаил Тарасов более консервативен, он редактор газетных статей, что объясняет мое влечение к литературе. Родители стали встречаться еще в студенческие годы, и я сильно сомневаюсь, что мама могла обратить внимание на папу в нынешнее время. У нее идеальная укладка, маникюр и толстый органайзер расписанный на три года вперед. У отца виднеются пролысины, зафиксирована начальная стадия артрита и протертое трико с обвисшими коленками. Весьма экстравагантная парочка получилась.

– Я все! Спасибо! – я нервно подрываюсь из-за стола, но мама уже завелась.

– Не нужно обижаться, Варя. Это нормально. Я хочу, чтобы моя дочь начала становиться девушкой, а не занималась детской ерундой. Только глянь, что ты носишь. Бабские тряпки. А волосы? Они совершенно не ухожены. Ты целыми днями просиживаешь дома. Где твои друзья? Где Света Верещагина? Вы так хорошо с ней общались.

– Это было четыре года назад, мама, – процеживаю я.

– И что? Тебе нужно брать пример со Светы. Я только

и вижу, как за ней мальчишки заходят. А ты? Ты думаешь заводить себе парня? Знай, мне нужны внуки.

– Таня! – не выдерживает отец и бросает газету на стол. – Перестань!

Обстановка накалена до предела. Мне хочется стать невидимкой. Мне хочется стать пылинкой, которую не уловит человеческий взгляд.

– Что, Миша?! Хватит делать из меня плохую, ведь я только добра ей желаю! А ты почему молчишь? Разве ты не замечаешь очевидного? – она буквально задыхается, ее губы трясутся. – Это она в тебя такая аморфная. Все стишки свои глупые пишет. Думает, что это пригодится ей в жизни, – мама усмехается и возвращается ко мне. – Это бессмысленная трата времени, Варя. Тебя ждет юридический.

Я перекручиваю ее слова во внутренней мясорубке и тихо проклинаяю.

– Меня ждет юридический. Ясно, – сухо отвечаю я и шагаю в прихожею.

– Правильно, ненависть маму! – разоряется она. – Ну так если я такая плохая, то ты не увидишь ноутбука, пока не исправишь свои оценки! Смотрите-ка на нее, стишки мы пишем, а уроки делать не любим! Надеюсь, ты меня услышала, Варвара, потому что я не шучу!

Услышала? Еще как. Просто не подаю виду. Улыбаюсь шокированной Аришке, прячущейся за высоким фикусом, и в спешке покидаю квартиру.

По дороге в школу вспоминаю о дружбе с Верещагиной. Мы действительно были лучшими подругами, когда та переехала в наш дом и зачислилась в мой класс. Мы могли сутками напролет обсуждать сериалы, обожали коллекционировать бракованные фантики от жвачек, занимались вышиванием, но в один момент это прекратилось. И дело не в том, что ее увлекли тусовки, где есть алкоголь и травка, а в том, что ее возлюбленный старшеклассник слишком очевидно построил мне глазки. Света разглядела во мне соперницу и с тех пор всячески отравляет мою жизнь. Разорванные тетради, грязные слухи, издевки – ничто, по сравнению с физическим контактом. Порой она переходит рамки и может оттащить за волосы, только потому что я не так на нее посмотрела. Печально, но даже в этом есть свои плюсы – я больше не верю в женскую дружбу. Да и в целом, в дружбу.

– О, Тарасова, ты в курятнике ночевала?

Даже не подняв головы, я знаю, что это Света. Она и еще несколько одноклассниц устраивают обязательный перекур перед уроками, поэтому на входе в школу я зачастую сталкиваюсь с стервозной компанией. Скорее всего подруги вернулись с клуба – только так я могу объяснить из ранее появление у дверей школы.

– Эй, чучело, я к тебе обращаюсь!

Привыкнуть к оскорблениям сложно, но я терпеливо держу рот на замке и пытаюсь пройти в вестибюль.

– Отвечай, когда тебя спрашивают, – шипит Верещагина

и толкает меня в грудь.

Я медленно поднимаю на нее усталый взгляд, улыбаюсь, но продолжаю молчать.

Открывать свой рот не имеет никакого смысла, ибо это повлечет за собой большие неприятности.

– Ты оглохла, что ли?

Я молчу. Улыбаюсь. Наблюдаю за падающими хлопьями снега, люблю пушистыми верхушками деревьев, но продолжаю молчать.

– Что у тебя там? – неудовлетворённая таким поведением Света вырывает рюкзак из моих рук и начинает со смехом рыться в содержимом. – Боже, что это? Менструальный блокнот? Расслабься, Тарасова, секс тебе не светит. На тебя даже Сысоев не залезет. Побрезгует.

Гиены смеются, а я в согласии пожимаю плечами. Но если насчет Сысоева она права, то копать в чужих вещах – противозаконно. Я выжидаю пока догорит мой воображаемый фитилёк, взрываюсь и бью нахалку в намалёванную морду.

Светка валится на крыльцо и что-то кричит. Завернувшись на ней юбка бесстыдно рассекречивает огромную дырку на колготках, совсем рядом с причинным местом. Она настолько большая, что дает задуматься. Впрочем, в этом вся суть современных модниц. Надев красивую кофту с бренди-рованным ярлычком, они прячут под ней дешевый лифчик в пятнах да катышках. Забавно, ведь я даже этого не делаю.

Моя радость победы была недолгой, потому что подлетев-

шая со спины гиена повалила меня на скользкий бетон. Удар отразился в ушах, но больно не было. Огромные снежинки попадали в глаза, а потом и содержимое моего рюкзака повалилось на лицо. Как же хорошо, что я не положила в него огромный кусок Аришкиного пластилина, иначе могла получить сотрясение мозга.

Растрепанная Верещагина стоит надо мной, наверное, хочет ударить, но в какой-то момент замечает выпавшие фантики с кривыми изображениями и осекается.

– Пойдемте, девчонки, – приказывает она. – Хватит с нее. Она и так жалкая.

Боже, что это? Совесть? К сожалению, Светлана, она не сочетается с твоей вульгарной внешностью, так что брось затею быть благородной. Я уже ни раз получала от тебя по лицу и не расплачусь при виде очередной царапины.

Мое молчаливое послание не долетело до Верещагиной, потому что та скрылась за углом школы, а я собрала разбросанные учебники и, улыбаясь, зашла в школу.

К последнему уроку я уже практически забыла о потасовке, но заметила другое – новичок отсутствовал. Мне захотелось понадеяться, что его перевели в другой класс или он поменял школу. Одной проблемой станет меньше, если он переведется, ведь в нашем классе и так достаточно психованных кретинов.

Виктор Звягин – странная личность, с которой не хочет-

ся пересекаться. Один лишь его взгляд обещает неприятности, а про дерзкие повадки я вообще молчу. Откровенно говоря, меня пугают подобные экземпляры. Их внешность обманчива, а поступки – непредсказуемы. Таких стоит избегать, и сейчас я отчетливо это понимаю.

Прозвенел звонок, и я уже собиралась покинуть кабинет и школу в совокупности, как меня окликнула Мария Анатольевна. Подойдя к классной, я всем своим видом продемонстрировала раздражение, но она нарочно игнорировала мои тяжелые вздохи.

– Варя, помнишь, я просила тебя присмотреть за Витей...

– Ох, нет! – резко перебиваю я. – Это было большой ошибкой. Я выдвинула свою кандидатуру не подумав.

Ее не волнует моя категорическая реакция, учитель уверенно черкает карандашом по обрывку бумаги.

– Он пропускает школу. Я пыталась дозвониться к нему домой, но там не отвечают. Я дам тебе его адрес, а ты все узнаешь и передашь ему домашнее задание.

– Что? – задыхаюсь я. – Нет! Я не буду этого делать!

– Вдруг он болен? Тебе не стыдно?

– Плевать! Пусть Сысоев идет!

– Пойми, я не могу доверить это Сысоеву.

– А я тут причем? Мария Анатольевна, этот Звягин психопат! Разве вы не видели, как...

Учитель останавливает меня понятием руки.

– Послушай, Варя, любой из класса откажется от моего

предложения, но я не случайно выбрала твою кандидатуру, – она выдержала странную паузу и некрасиво улыбнулась. – У тебя ведь плохие оценки по русскому, так? Уверена, это очень расстраивает твою мать.

Я была уверена, что это мне послышалось, но она продолжила:

– Я могу это исправить, Тарасова. Как насчет пятерки в четверти? Гребаные учителя, они знают чем подкупить!

Конечно же, я не собиралась навещать Звягина, а тем более интересоваться его здоровьем, после того, как он нахамил мне и опозорил перед всем классом. Однако, от заманчивого предложения Марии Анатольевны я тоже отказываться не торопилась.

– Я пришла! Пообедала в школе!

Вернувшись домой, я засела за ноутбук, которые еще оставался в моем распоряжении. Мама заметно подобрела, услышав о возможной пятерки в четверти, ведь это поможет мне при поступлении в юридический – ее примитивные жизненные размышления. Порой проще согласиться с бараном, чем доказывать ему обратное.

Зайдя на страничку «ВКонтакте», я принялась искать Виктора Звягина, но энтузиазм быстро пропал – таких на сайте было тысячи. Среди множества радужных и счастливых лиц, мне так и не удалось найти одно угрюмое. Но, справедливости ради, непозволительно красивое. Его внеш-

ность сильно конфликтовала с характером.

После тридцати минут неудачных поисков, я было уже отчаялась, но напоследок решила проверить аккаунт без аватара. Удивительно, но скрытный пользователь подходил по всем параметрам: мрачный плейлист, репосты аналогичных картинок с агрессивными цитатами и, наконец, совпадающий адрес проживания.

Звягин был в сети два дня назад, но это не остановило меня написать ему. Варя 16:04

Привет

Я стала нервно покусывать ногти, пока ждала ответа, но когда собеседник появился в сети и стал печатать, то вообще замерла. Мой палец невольно полез в банку с абрикосовым джемом.

Виктор 16:06?

Серьезно? Это его ответ? Ладно, рано паниковать.

Варя 16:07

Это Варя Тарасова, твоя одноклассница. Меня попросили передать тебе домашку, потому что ты пропустил уроки. Ты болен?

Собеседник молчал несколько минут. Печатал, а потом снова молчал. Но итог его метаний меня просто убил. Виктор 16:10

Пользователь заблокировал вас. Вы больше не сможете отправлять ему сообщения. Он что, издевается надо мной?!

Глава#4. Витя

Перед тем как начать умываться, я задернул ванну плотной водонепроницаемой шторкой. Теперь мне улыбается уродливый слон с дырявыми ушами, которому пришлось повидать многое. То, от чего недурно ослепнуть.

Мама. Ванна. Шум воды.

Но на самом деле беда была более весомой и заключалась вовсе не в ванне. В свои семнадцать я был зависим. Это было невыносимо, отвратно и крайне удручало. Я ненавидел свою зависимость, как когда-то правду о своей болезни. Я не мог разобраться с зависимостью, не мог побить ее или спустить с лестницы и не знал, как с ней бороться. У меня получалось расставаться с ней на время, но всего лишь *на время*. Наступало серое утро, наполненное вонью окурков и запахом выпитого алкоголя, что помогал мне забыться, и зависимость снова возвращалась. Я закрывался в комнате, курил до тошноты, насиловал книги, жрал пачками снотворное, но всегда оставался зависимым. Все это было, есть и будет всегда.

Шум воды. Ванна. Яркий свет.

На сливной бачок я поставил пепельницу, рядом положил сигареты и спички, снял окровавленный бинт с костяшек, поджег его и бросил в раковину. Несколько минут я замороженно смотрел на разноцветное пламя, которое красиво и жадно пожирало кусок марли. Сейчас мне казалось, что это

самое прекрасное зрелище, которое мне только доводилось наблюдать. Подкурив сигарету, я затянулся. Ванная комната, что минутой ранее казалась комнатой пыток, теперь озарилась чем-то прекрасным. Теплым и светлым. Моя подсознательная ванна наполнилась спокойствием и умиротворением. На мгновение в голове промелькнула мысль, что у меня есть шанс стать *нормальным*.

Но только на мгновение. На смену радости пришли жуткие воспоминания: ванна, мама, истощающая мольба.

Руки затряслись. Сигарета упала на пол и обожгла ногу. Чтобы избавиться от надоедливых вспышек, я открываю кран и подставляю голову под напор ледяной воды.

Затылок немеет, но я не сдаюсь. Нельзя. Еще рано.

Мама. Ванна. Нагреватель. Крик.

Всякий раз после очередной «завязки», после долгой депрессии и ломок, я возвращаюсь в детство, в те счастливые деньки, где мать трезва и, уложив мою голову на колени, поет красивые песни. До слез грустные, но красивые. Ее холодные руки гладят меня по спине и чешут макушку. Там хорошо. Спокойно.

Но сейчас меня возвращает в *другое* детство. Я закрываю глаза и вижу череду уродливых картинок, которые подобно пулям дробят мой череп.

Мама. Нагреватель. Дикий крик.

От водной процедуры меня отвлекает отец. Он долбитя в дверь. Дерзко. С вызовом. Он вынуждает.

Нельзя. Еще рано.

Я включаю игнор, но когда дверь обещает слететь с петель, нервно выдвигаю засов и готовлюсь избить злого нарушителя моего покоя.

– Соскучился по гипсу?! – рычу я, когда показывается испуганная голова старика. —

Я начну с рук и переключусь на ноги, понял?

– Успокойся, – еле внятно выговаривает помятый отец и показывает на входную дверь. – К тебе пришли там. Выйди. Что?

Отодвинув мерзкое существо, я толкаю ладонью дверь, и та полностью отворяется. Наступает тишина. Мое тело деревенеет, и только скатывающиеся по телу капли воды возвращают какую-либо чувствительность.

Какого хрена?

На пороге моей убитой квартиры стоит *она*. Ее взгляд перепуган, дурацкая шапка сдвинута набок, девчонка пытается улыбнуться, но выходит жалко.

Что она тут делает? Как нашла?

– Привет. Я принесла тебе список заданий, – неуверенно бормочет она. – Извини, что не предупредила, но ты не отвечал и... Какого хрена?!

Она смотрит только на меня. Ни на беспорядок, ни на пьяного отца, ни на пакет с мусором у нее под ногами, только на меня.

Что она тут делает? Чего хочет? Она что-то знает?

– Витя? – пищит девчонка. – Меня попросили передать...

Как мягко она произнесла мое имя. Совсем как мама, когда пробуждала ото сна. Совсем как мама, когда попросила нагреть ванну.

– ... я подумала, что ты приболел.

Что она мямлит?

Вернувшись в реальность, я резко срываюсь с места. Влетаю в тапочки, набрасываю куртку на влажное тело, беру *пищалку* за шкварник и выталкиваю в подъезд.

– Что ты делаешь? – возмущается она.

Бойтся, но не показывает виду. Что ж, это дело легко поправимое.

Мне не составляет большого труда оттолкнуть ее подальше, а потом вцепиться в куртку и приподнять над лестничным проемом.

– Перестань! Что ты творишь?!

Она что-то бормочет, но я ее не слышу. Я смотрю сквозь нее. Смотрю на лестницу. Она высокая. Интересно, она сломает себе шею? Или только ключицу? Я должен знать наверняка, пока еще не отпустил. Хочу увидеть ее полет.

– Очнись! – меня остужает слабая пощечина. – Да что с тобой такое?

Наши взгляды встречаются. Впервые, кажется. Я прерываю дыхание.

Большие ореховые глаза. Бледные губы. Вздернутый нос. Чумазая щека. Скорее всего это варенье. Она что, улыбает-

ся? Улыбается сквозь страх? Теперь я не хочу скидывать ее с лестницы. Я хочу кое-что похуже.

– Отпусти меня, придурок! – запыхавшись, брыкается она. – Я всего лишь принесла домашнее задание!

– А я сказал тебе, что болен! – кричу я, вернувшись в реальность.

Она практически плачет, но продолжает улыбаться.

– Ты не говорил! Ты ничего мне не ответил!

– А ты сама не видишь?! – вырывается у меня.

Она затыкается. Моргает. Дышит. Моргает. Смотрит.

Почему она так смотрит на меня? Почему так смотрит?

– Просто дай мне уйти, – заикается она. – Дай уйти и все.

Русые пряди прилипли к ее взволнованному лицу. В глазах пляшут испуганные мотыльки. Мне хочется ее поджечь, как ту марлю. Уверен, пламя получится восхитительным. Мне хочется спрятаться от нее, как от той ванны. Уверен, она тоже этого хочет.

– Витя, пожалуйста...

Выдохнув, медленно ставлю ее на ноги.

Шатаюсь. Дышу. Кажется, немного стыжусь. Хотя нет. Это не стыд, что-то другое.

Ухожу и демонстративно хлопаю дверью.

Что ей нужно от меня? Зачем она так смотрит?

Глава#5. Варя

*Я ядом капаю на раны,
А боль ревниво в вечной памяти храню.
Мне легче очертить фатальные изъяны,
Чем разукрасить черноту души твоей.
Мне легче разбудить покойника,
Чем увидеть страх в твоих фарфоровых глазах.
А ведь душа навеки беспокойная,
Умыта горечью, истерзана, она в колючих ивах.*

Последний учебный день второй четверти. Последний урок. География.

Самостоятельная работа. За окном снег валит хлопьями, он буквально укутал деревья в белоснежные одеяния, а густой туман превратил середину дня в наступающий вечер.

Отличная вдохновляющая погода.

В классе так тихо, что слышны щелчки тока в лампах. Олег Петрович задумчиво листает каталог с женской парфюмерией – выбирает подарок жене. Одноклассники нависли над своими тетрадями, старательно делая вид, что разбираются в широтах и меридианах, но на самом деле отсчитывают секунды до конца урока, ибо совсем скоро их ждет долгожданная свобода. Я же нахожусь в своем маленьком мире, где нет места веселью, но есть ямб и хорей, душа и рифма.

Здесь невероятно уютно, но резко распахнувшаяся дверь, заставляет меня вернуться в реальность.

– Можно? – равнодушно интересуется Звягин, облокотившись о дверной косяк.

Его появление становится неприятной неожиданностью, ведь я понадеялась не лицезреть его больше. Никогда. Впрочем, удивилась не только я.

– А вы у нас...? – спрашивает географ, поправив толстые очки.

– У вас? – слабо усмехается новичок. – У меня к вам аналогичный вопрос, ведь вы не представились.

Учитель ахнул, а я еще раз убедилась в его отвратительности. Ведь ясно как день, что парень нарочно плывет против течения. Его закинуло не в тот жизненный пруд, и он не скрывает своего недовольства. Все его манеры вызывающие, а повадки – хамские. И если я смирилась со своей участью быть не такой, то он упрямится. Но ради чего? Из вредности?

Кому и что он доказывает?

После последней нашей встречи, я однозначно убедилась в нежелании этого человека контактировать с кем-либо и в его неадекватности. В нем много злобы, которая буквально переполняет его. Очевидно всему этому есть причины, но я не хочу их узнавать. Не хочу даже думать об этом и искать ему оправдание.

– Так можно или нет? – нервничает Звягин. – Неужели,

так сложно ответить?

– Я прошу вас, молодой человек, не важничать, – агрессивно взбодрился географ. – Вы новенький? Почему отсутствовали?

Звягин закидывает руку на плечо, будто эти два вопроса невероятно его вымотали, и закатывает глаза.

– Слушай, до конца урока жалких двадцать минут. Разве ты хочешь, чтобы мы потратили их на бессмысленную болтовню? Думаю, нет. Просто разреши мне пройти в класс, занять свое место и сделать вид, что мне до чертиков интересен твой предмет. Как тебе такой вариант?

Олег Петрович подавился воздухом, чем напомнил мне Марию Анатольевну, которая уже получила возможность быть оскорблённой, а вот я и еще большая часть одноклассников отреагировали на это с меньшим удивлением. К таким повадкам привыкнуть сложно, но их возможно предугадать.

– Пошел вон! – орет учитель. – Чтоб я тебя здесь больше не видел, щенок!

Витя резко отталкивается от косяка.

– Так бы сразу, – вздыхает он и, перед тем как уйти, поднимает руку. – Будь здоров! – хлопает дверью и уходит.

– Я обращусь к директору! Так и знай, хам!

Из меня невольно вырывается смешок, на что оборачивается Верещагина. Она смотрит то на меня, то на мои принадлежности – с подозрением ищет причину моего веселья, но не находит его и возвращается к самостоятельной работе.

Меня не позабавил новичок, совсем нет, мой смех был скорее истерическим. Его способность вызывать у людей отвращение была феноменальной. Блестящий талант. В этом деле он даже меня переплюнул.

Но что с тобой парень? Откуда вся эта чернота?

Еще раз ловлю себя на мысли, что мне это не интересно. Больше нет.

Школу я покинула с невероятным облегчением. Снег не думал заканчиваться, но было довольно тепло. Я уже предвкушала аромат чая с малиновым вареньем и недельное затворничество, как вдруг меня заставили отложить свои планы.

Свернув за угол школы, я наткнулась на Светку Верещагину и еще двое парней с параллельного класса. Они подпирали ворота, до верхов заснеженного, малого футбольного поля. Мне не понравились их взгляды. Слишком озабоченно они отнеслись к моему появлению, отчего я прибавила шаг.

Нет. Мои каникулы не должны начаться с потасовки. От моей уютной комнаты меня отделяет пара километров, и я должна преодолеть этот путь не тронутой.

Я затылком почувствовала слезку, а когда Верещагина приказала мне остановиться – побежала. Адреналин вдарил в голову. Мысли смешались. Непослушные ноги несли меня вперед, не дав шанса обдумать маршрут. В конечном итоге я уткнулась в западню из ряда бесхозных гаражей, которые

находились за школой.

Прекрасно.

Первой меня догнала Светка, а потом и парни подоспели. По их лицам я поняла, что унижительной лекцией мы не обойдемся. Там было что-то посерьезнее. Так странно это все – заочно чувствовать вину за то, чего не существует.

– Тебе хана, Тарасова, – злостно предупреждает Светка, снимая варежки.

Довольно многообещающее начало. Впрочем, этого и следовало ожидать.

– За что?! – возмущаюсь я. – Что не так?!

– Ты мне волосы испортила, тварь!

– Да о чем ты?!

Она демонстрирует обрезанную каштановую прядь, перепачканную тягучей субстанцией.

– Я нашла в них жвачку! Я убью тебя за это!

Меня ударяет несправедливость.

– С чего ты взяла, что это я?!

– Больше никому! Я видела, как ты хихикала на уроке!

Прежде чем что-либо сделать – хорошо подумай. Так говорят? Что ж, в моем случае карается даже улыбка. Впервые меня затошнило от собственной слабости. Из меня сделали мишень для издевательств, будто магнитом я притягиваю неприятности, но это только моя вина. Вместо того, чтобы дать отпор, я улыбаюсь. Этот мир бьет меня по лбу грязной половой тряпкой, а я улыбаюсь. Хватит.

– Я тут не причем! – продолжаю доказывать свою правоту. – Тебе просто удобно видеть во мне виновницу! Ты не хочешь даже думать о том, что это могли сделать твои любимые подружки! Но знай, что это была не я!

Верещагина кидает сумку на снег и делает внушительный шаг вперед.

– Мне плевать, что ты там говоришь, Тарасова. У тебя есть два варианта: или ты даешь мне пять тысяч на парикмахерскую, или я выдираю твои вшивые пакли. Решай. Я сегодня добрая, поэтому даю тебе возможность...

Ее монолог уходит на второй план, потому что я вижу новичка. Он проплывает за их спинами. Смотрит. Долго смотрит. Понимает, что я попала в беду, но даже пытается помочь и проходит мимо.

– ...ты поняла? Что скажешь?

Я возвращаюсь к Светке. Меня душит обида. С меня хватит.

– А не пойти ли тебе нахер? – предлагаю я, на что ее глаза округляются.

Подобно дикой кошке она вонзается когтями в мое лицо. Я не чувствую боли, но не могу удержать равновесие и падаю на землю. Светка продолжает тягать меня за шарф, как упрямую корову. Я слышу как трещат швы на куртке, чувствую холодный снег на пояснице и смотрю, то на козырек гаража, то на серое небо.

– Сука поганая! Дрянь тупорылая! Сука тупая! Тупи-

да поганая! – Верещагина не сильна в эпитетах, отчего ее оскорбления превращаются в непрерывное гавканье. – Ну чего ты развалилась? Сопровствляйся!

На удивление Света побаивается бить меня кулаками, так как прекрасно знает последствия. Есть факты – есть наказание. Бывшая подруга слишком быстро устает вытряхивать из меня кишки и в итоге отпускает, но не для того, чтобы завершить конфликт.

Напротив, ее изворотливый ум способен только на гадо-сти.

– Давай, Костян, как договаривались, – призывает она, и теперь я напрягаюсь.

Серое небо. Снег. Козырек. Костян.

– Давай, налей на нее! Прямо на лицо!

Серое небо. Козырек... Что?!

И могла бы я предположить, что это все мне послышалось, но решила не рисковать и попробовать нарушить их мерзкие планы.

Не успеваю я встать на ноги, как меня накрывает новое потрясение.

Серое небо. Козырек. Новичок и расстёгивающаяся ширинка.

– Кто-то заказал золотой дождик? – интересуется он, и все трое поднимают головы. – Ух, как вас много! Да не переживайте вы так, всем достанется. Кто первый?

Светка с визгом отбегает в сторону, я испуганно перека-

тываюсь по снегу, а вот парни, боясь показаться трусами, остаются на месте.

– Да пошел ты! – плюется Костян.

– Не хотите? – разочарованно вздыхает Звягин и застегивает молнию. – Что ж, зря. Это одна из самых дорогостоящих процедур в китайской медицине. На вашем месте я бы хорошо подумал, прежде чем отказываться.

– Хорош трепаться, клоун! – рычит второй. – Спускайся! Или ссышь?

– Больше нет, как видишь, – смеется Звягин и пропадает из видимости.

Я и Света потерянно смотрим на друг друга.

– Твоему хахалю не жить, – сквозь зубы произносит она. – Он только что себе приговор подписал.

Хахалю? Откуда такие глупые домыслы?

– Ку-ку, мальчики!

В этот момент в голову Костяна летит обрубок кирпича. Он падает на сугроб и кричит матом. Держится за лоб. Между его пальцев просачивается кровь.

– Ты что творишь, придурок?!

– Не ругайся, пупсик, – беспечно просит Витя и берет кирпич побольше того. – У меня для тебя тоже есть подарок. Я вот только думаю, куда его подарить? В ногу? В голову?

Или куда поинтереснее?

Светка прикрывает рот рукой. А я все думаю – в ногу или голову?

– Пойдемте отсюда! Он псих! – скулит Костян, и все трое уносят ноги.

Я нахожусь в полном замешательстве. Смотрю на спины убегающих истязателей, а потом на Звягина. Он невозмутим. Стоит на краю крыши, словно захватил целое государство. Стоит. Стоит. Смотрит. Молчит. И если во взгляде бывает магия, то тут ее, очевидно, нет. Ничего. Только пустота. Он не из нашего мира, определенно.

Наши гляделки заканчиваются. Витя спрыгивает с гаража и уходит. Я поднимаю шапку и теперь смотрю в спину новичка.

И если это не помощь, тогда что?

– Стой!

Не знаю, что мной овладело, но я мчусь вслед за ним.

– Да стой же ты!

Звягин останавливается и смотрит с висока.

– Даже не смей думать, что теперь можешь разговаривать со мной, – пренебрежительно проговаривает он. – Мне противны такие, как ты. Ты только глянь на себя. Смотреть жалко. Тебе нравится все это? Зачем позволяешь? Если тебя бьют – отвечай.

Не можешь ответить – кричи. Делай хоть что-нибудь.

Его совет кажется мне неоднозначным. Больше походит на упрек или на грубость. Я не могу подобрать подходящего ответа, так как не умею общаться с такими, как он. Черт, да я боюсь его! Мне было проще валяться на снегу под натиском

Светланы, чем сейчас. Мне страшно просто стоять рядом. Я провела кровавую борьбу с самой собой, прежде чем решилась догнать его.

По усталому взгляду понимаю, что он собирается уйти, отчего нахожу в себе наглость вцепиться в его куртку.

– Так помоги мне! – кричу я. – Ведь очевидно, что мне нужна помощь!

Звягин реагирует на мой жест с нескрываемой иронией.

– А знаешь, кто ты? – с едким смешком спрашивает он. – А, Варя?

Я будто впервые слышу свое имя. Он произнес его не так, как остальные; не вложил ни одной эмоции, словно проговорил незнакомые буквы.

– И кто же? – говорю почти шепотом.

– Все просто. Ты затравленный олененок, который попал в ледяной капкан. Ты старательно перебираешь копытцами по неподвластной поверхности, но подняться не можешь. Бесперывно падаешь, в итоге сдаешься и наивно ждешь помощи. Замерзаешь, медленно погибаешь, но продолжаешь ждать невозможного. И самое удивительное, что этим мы похожи, – его ненормальная улыбка улетучивается. – Только я уже ничего не жду, да и капканы у нас разные.

Я растеряла все слова. В главном Звягин был прав, но что это значит? Почему он говорит так, будто давно меня знает?

– Надеюсь, я доходчиво выразился?

Он смотрит на мою руку вынуждающим взглядом, отчего

я послушно разгибаю замёрзшие пальцы.

– Будь здорова, – говорит он и уходит прочь.

На этот раз я остаюсь стоять на месте.

Серое небо. Хлопья снега. Туман в голове. И один мучающий вопрос – кто ты такой? Кто ты такой, Виктор Звягин?

Мне легче разбудить покойника,

Чем заметить жизнь в твоих фарфоровых глазах...

Глава#6. Витя

*А мечта не нова, Чтоб до неба трава.
Будь свободна душа,
Но меня не лишай
Легких крыльев,
Ведь кажется мне, будто я...*

Египтянин – группа «Пикник»

– Вот, держи, Витек. Хорошая работа, – хвалит меня старший грузчик и протягивает две зеленые купюры. – Надеюсь, тебе хватит.

После нескольких часов изнурительной работы, я буквально валюсь с ног и с трудом верю в происходящее.

– Серьезно? Двушка? – приятно удивляюсь и не сразу решаюсь взять деньги, ведь мои руки выпачканы в смоле. – Но за что, Кирилл? Я толком ничего не сделал.

– Сегодня праздник. Тебе положено. Работа будет не скоро, так что проведи каникулы с пользой, – наставляет он, перед тем как уехать. – И с наступающим. Береги себя, малой. Кирилл старше меня всего на три года, но товарища во мне так и не разглядел.

– Спасибо, Кирюх! Добра тебе!

Скидываю рабочую форму и торопливо покидаю стены

склада.

Солнце практически село. Люди суетливо носятся по улице, жадно скупая алкоголь и импортные мандарины. Прилавки рынка украшены разноцветными гирляндами и поздравительными плакатами. На них до тошноты улыбочивые старики в красных шубах, которые обещают горы счастья в предстоящем году, но что-то мне подсказывает, что они нагло лукавят. Если кого и ждет счастье, но только не меня.

Сжав зарплату в кулак, я спешу навестить Геру, но в какой-то момент останавливаюсь, будто невидимая рука потянула за шиворот. Странное чувство селится в груди и на дает сделать шаг туда, где я забуду обо всем. Гера поможет забыть, но – нет. Тихий отголосок детства требует праздника, о котором я мечтал когда-то. Мне противны эти мысли, противны чувства, но от них не спрятаться. Это так глупо.

Кажется, моя черная душа дала трещину...

Переборов смертельное желание, я заскакиваю в первый попавшийся ларек. Там покупаю оливье в контейнере, «Птичье молоко», что так любит мой отец, коньяк, сок и бутылку шампанского. Сегодня мне хочется забыть о зависимости, обо всех проблемах, семейных обидах и хоть разок окунуться в иную атмосферу.

Да, моя черная душа дала трещину...

Вбегаю на третий этаж своей замызганной хрущевки и упрямо бью ногами по двери, так как руки заняты пакетами. Старушка дверь обтянута бордовым дерматином и ха-

отично пробита бытовыми кнопками, но все равно кажется мне красивой, ведь ее украшала моя покойная мать. А вот рванные дыры оставил отец, когда нелепо перепутал ключи с топором.

– Батя! – кричу я. – Открывай, козел! Хватит спать!

За спиной слышится скрежет советского замка. На лестничную площадку выходит соседку.

– Не кричи, Витя, – взволнованно шепчет она. – Увезли папу. Нет его.

В этот момент я почувствовал себя пятилетним Витей, которому вручили долгожданный подарок, но у желаемого красивой была только обертка, а вот внутренности отдавали горечью и болью.

– Что? – медленно оборачиваюсь я. – Как нет? Что несешь, баб Даш?

Бабулька машет руками, а трясется ее обвисший подбородок.

– В больницу его увезли. Часа два назад. Горят – инсульт. Теперь затрясся я.

– В какую больницу, баб Даш?

– В нашу. Городскую, – она кладет ладонь мне на грудь. – Но ты не иди туда, Витя. Не надо. Пусть Толика недельку под капельницами подержат. Глядишь, отойдет. Да и сам отдохнешь. Погуляешь. Что тебе с ним пьяным возиться?

Я крепче сжимаю лямки пакетов. Морщусь, словно получил пощечину.

– И действительно... Пусть полежит недельку. С наступающим, баб Даш.

– И тебя, сынок. Береги себя.

Поберег, если бы умел. Если бы знал как...

Домой я зашел, когда на часах уже стукнуло половина девятого. Бросил пакеты в пороге. Осмотрелся. В квартире стоял тяжелый запах табака и застоявшейся сырости. Все вещи были на своих местах – беспорядочно валялись по дому. И даже отсутствие отца не развеяло угнетенную обстановку.

Щель души моей намертво сошлась.

Я был подавлен. Мне нужен был кто-то... Тот, с кем я мог бы просто поговорить, рассказать свою тайну, открыть секрет и не услышать осуждения. Смешно, ведь таких людей попросту не существует. У меня нет друзей и еще не родился тот, кого не покоробит моя тайна. Она отвернет любого.

Одиночество. Оно душило. Брало за глотку и выдавливало гланды.

Ну почему я не выбрал Геру? Какого хера я не выбрал Геру?

Беру пакет с выпивкой и иду в спальню мамы, но перед этим взламываю заржавевшую щеколду. Здесь ничего не изменилось: серое фото на комод, из книжек торчащий гербарий, махровый халат на спинке стула, отпечатки пальцев на зеркале, сухая диффенбахия и даже след от головы на ватной подушке. Складывается ощущение, будто она всего лишь вышла ненадолго и вот-вот вернется. Но это само-

обман.

Сажусь на скрипучую кровать. Кладу мандаринку возле старого фото, где та еще улыбается. Отпиваю горький коньяк. Морщусь.

– С наступающим, мам...

Несколько минут замороженно смотрю на фото и снова морщусь, только уже от рези в глазах. Нет ничего хуже, чем вспоминать тот проклятый день. Однако, я не вспоминаю. Эта кричащая картинка постоянно стоит перед глазами, как преследующий и поправимый факт.

Мама. Крик: «Прощай, сынок!»

В голову бьет, но недостаточно. Пью коньяк. Запиваю шампанским. Еще. И еще. Ложу голову на подушку. Пытаюсь думать о чем-нибудь хорошем, но это в априори невозможно. Мысли, как черные раскаленные стрелы вонзаются в мозг, забирая возможность делать ровные вдохи.

Крик. Мама. Ток.

За выпивкой время летит незаметно, прошло уже больше часа, но я все равно не чувствую должного облегчения. Мне плохо. Выламывает кости. Дурно так, что кожа буквально кричит. Закрываю глаза и возвращаюсь в тот проклятый день.

Тогда ей снова стало плохо. Она попросила набрать ванну.

«Бедный мой мальчик» – повторяла она тогда, а не понимал в чем соль.

Я часто чувствовал себя плохо, недомогание было моим

привычным состоянием. Мне изредка давали какие-то таблетки, а я не знал от чего меня лечат. С возрастом ко мне постепенно приходило осознание, что я медленно разрушаюсь. Мое тело буквально рассыпалось, болели органы, но в период ремиссии я стремительно восстанавливался и забывал о проблеме. Так повторялось ежегодно – это стало чем-то нормальным. Я жил по графику бешеной шкалы. То взлетал, то падал. То жил, то существовал. То любил свою мать, то желал ей смерти.

«Бедный мой мальчик» – слезливо повторяла она в тот день, а я ссылаясь на ее хмельное состояние.

Мне хватило сил опустить маму в прохладную ванну. Прямо в одежде. По ее бледному лицу стекали капли пота или это были слезы, я так и не понял. Ее лихорадило. Знобило. Она попросила нагреть воду.

«Сынок, пожалуйста...»

Через секунду на меня смотрела юродивая гримаса. Существо вернулось. В силу своей юношеской наивности я не придавал этому большого значения, ведь монстр зачастую посещал ее тело. Но когда безобразное чудовище вцепилось в мою руку, то мне пришлось отрезветь. Оно говорило страшные вещи. Оно рассказало страшную тайну, а потом вовсе съехало с катушек.

«Нагрей мне ванну, мерзкий сученыш! – истерила оно. – Ты слышишь меня, выродок?! Мне холодно! Холодно!»

Я подскакиваю с кровати, но не потому что подобрался

к самому страшному, а потому что в дверь постучали. Убрав со лба испарины, я иду открывать, уверенный, что увижу бабушку Дашу. Она передаст квитанции или угостит «селедкой под шубой», или же попросит перетащить стол из кухни в комнату, поэтому я не волнуюсь, но когда открываю дверь, то не признаю в госте морщинистую соседку.

Напротив, эта гладка, как яблоко, и статна. На ней короткое платье и высокие сапоги, а из верхнего – скудная накидка на плечи. Чернильные волосы на контрасте с бледным лицом, они спутаны. Глаза прозрачны.

– Сигаретки не найдется? – с полуулыбкой спрашивает она.

На самом деле ей не нужна сигарета. Ей нужно кое-что другое.

Мы познакомились год назад, когда после очередной ссоры с отцом я курил на лестничной клетке. Она вышла из ниоткуда, попросила сигарету и представилась Джокондой. Я до сих пор не знаю ее настоящего имени, но откровенно говоря мне плевать. Она не разговаривала со мной, ни о чем не спрашивала, а просто отдалась мне возле грязного мусоропровода и так же молниеносно исчезла.

С тех пор Джоконда частый гость. Она такая же, как и я. Мы поняли это по короткому взгляду. Нам можно с друг другом все, что нельзя с другими. Все происходит на ином уровне, пусть максимально низком, но ином. И вот сейчас, я запущу ее в квартиру, сорву вульгарное платье и даже чая

не предложу, займусь делом и отпущу в свободное плавание. Я не знаю где ее море и не хочу вступать в эти в воды. Мы тупо молчим. Тупо трахаемся. Тупо прощаемся.

Джоконда покидает меня спустя час. К тому времени на улице начинают запускать салюты. До полночи остается пятнадцать минут. В своей комнате, возле старого компьютера, я создаю импровизированный стол. Включаю музыку. Из хриплых колонок матерится Глеб Самойлов, но едва ли мне полегчало. Я зря решил, что встреча с Джокондой успокоит меня. Мне стало только хуже.

Благо, алкоголь еще остался. Пью.

После боя курантов я около часа выслушиваю восторженные крики и делаю музыку громче. Мой мозг буквально взрывается. Вены превращаются в накаленные жгуты. Я злюсь, потому что остальным весело. Мне хочется оторвать чеку гранаты и подвзорваться вместе с этими счастливыми идиотами. Это невыносимо.

Благо, алкоголь еще остался. Пью. Пью. Еще.

Дикое возмущение и злоба. Отвращение и обида. Все эти эмоции заменили мне вспышки салюта. И опять изнуряющая фантомная боль, которая сжирает изнутри.

Алкоголь еще остался. Пью.

Меня начинает морозить. Подбираю с пола футболку, что стянула с меня Джоконда и натягиваю ее на влажное тело. Ищу отвлечение на сайтах. Первая открывшаяся вкладка «ВКонтакте» – переписка с Варей. На секунду агрессия

отпускает, а любопытство берет свое. На страничке моей неказистой одноклассницы аналогичные репосты. Стихи да птички.

Личная информация скрыта. Музыка отвратна.

Алкоголь закончился.

Нервно стучу пальцем по левой кнопки мыши и в какой-то момент убираю ее из черного списка. Мои действия необъяснимы. Просто хочется. К моему огромному удивлению девчонка висит на сайте. Вместо того, чтобы лопать заливное за семейным столом, она репостит Омара Хайяма.

Больная.

Будто получив оповещение о разблокировки, та начинает печатать.

Больная извращенка.

Мне интересно, что она пришлет, поэтому не спешу отправлять ее в черный список. Даю ей минуту времени.

Варя 00:49

Я так и не сказала тебе спасибо...

Варя 00:49

Спасибо

Меня пробирает смешок. Да что с ней такое?

Варя 00:50

И с новым годом

Мои пальцы автоматически падают на клавиатуру. Я начинаю отвечать, но быстро одумываюсь.

Нет. Нет. Нельзя.

На секунду представляю ее по ту сторону монитора. У нее пучок на голове, а рядом тарелка с конфетами. Или оставила распущенными волосы, а конфеты давно съела. Сидит за розовым ноутбуком в ожидание ответа и кусает шоколадные губы.

Нет. Мне нельзя... Или хрен с ним? Виктор 00:51

сНо7\$ вым годом /. Бл@#ть

Отправляю и кидаю в черный список.

Глава#7. Варя

Это были без преувеличения отвратительные каникулы. Мама измотала упреками относительно учебы и взрослыми советами, из-за чего хотелось пустить пулю в висок. Слышать от матери подробности половых отношений сравнимо с каторгой. В голове невольно возникают картинки их супружеской жизни – это мощный выстрел по слабой психике. Ариша неделю не снимала костюм снежинки, даже спала в нем, его блёсточки были везде. Я пила сверкающий чай и чихала волшебной пылью. Намертво войдя в роль атмосферного осадка, она летала по комнатам и падала на меня, как реальный снег на голову. Я люблю свою младшенькую, но порой ее слишком много. Сразу после праздника отец уехал погостить к родственникам, будто заранее предположил домашнюю вакханалию. Я завидовала ему, так как единственным моим собеседником был старый блокнотик.

Да, это были отвратительные каникулы, но самым отвратительным фактом было вернуться в ненавистную школу.

По традиции прихожу за тридцать минут до начала урока. Раскладываюсь. Открываю блокнот и ищу одно, из миллиарда, слово.

Из-за тебя душа пустая, все потому что я...

К моему удивлению вторым в класс входит вовсе не учитель. Мой странный одноклассник ворвался в кабинет

с неподдельным энтузиазмом, будто спал и видел, как снова возьмётся за учебник. Его появление заставляет меня напрячься.

Звягин останавливается посередине класса и не торопясь осматривается.

Он что, выбирает себе новое место?

«Первый ряд, шестая парта. Первый ряд, шестая парта, – мысленно молю я. – Мы не желаем видеть друг друга. Сядь как можно дальше. Знаю, так ты и сделаешь».

Однако утешительные прогнозы испаряются без следа. Я чувствую не только нутром, но и всем телом, что у новичка свои планы – он что-то задумал. На его лице едва заметная улыбка. Глаза неестественно сверкают. Он подозрительно весел.

Я целенаправленно утыкаюсь носом в блокнот, старательно игнорируя его присутствие, но тут же подпрыгиваю, когда тот опускается на соседний стул.

– Что... ты делаешь? – заикнувшись, спрашиваю я.

Он смотрит на меня, как на глупейшее создание.

– Занял свободное место. Что-то не так?

Мои глаза пробежались по пустому классу и вернулись к нему.

– Серьезно? Именно это из тридцати возможных?

– Если тебя что-то не устраивает, ты можешь пересесть.

Я изумляюсь. Он смеется. Я отодвигаюсь, он возвращает стул обратно.

– Что ты делаешь?

– Ничего, – безучастно отвечает Звягин.

– Ты ведь сам сказал, что я тебе противна. – Поверь, с тех пор ничего не изменилось.

Мои щеки больше не вспыхивают от его хамства. Слегка подергивается веко.

– Тогда какой в этом смысл? Пересядь.

Звягин на секунду задумывается.

– Ты так старательно искала общения со мной, и я решил дать тебе шанс, – без стеснения заявляет он, а потом выхватывает мой блокнот и издевательски цитирует: – Из-за тебя душа пустая, все потому что я... тупая!

– Идиот, – бурчу я и возвращаю блокнот на место. – Не смей трогать мои вещи.

– Напишешь мне стих, когда я схохну? – выпаливает он, качаясь на стуле.

Складывалось ощущение, что я вела диалог с поломанным роботом.

– Ох, а я смотрю ты в настроении... Тебе не идет, если быть откровенной.

– Как тебе эта кофта, но ты ее носишь, – парирует он. – А если быть откровенным, сейчас это неконтролируемое мое состояние.

Я нахожу в себе силы взглянуть на него. Он действительно какой-то странный. Еще причудливее, чем обычно. И это тоже странно, потому что запаха перегара я от него не учуя-

ла. Его мутные глаза блестели по другой причине. Но какой?

– Ты не ответила на мой вопрос, – подмечает он, уже превратив стул в резвый аттракцион.

– Ты ничего не спрашивал.

– Спросил.

– Ты лжешь.

– Нет.

– Что именно?

– Уже забыла?

– Может, хватит?!

– Что именно? – улыбается он, а я выхожу из себя.

На мое счастье в класс заходят одноклассники. В жизни так не радовалась их появлению. Женя Ларкин и Егор Быков – главари класса, здороваются с Виктором дружеским рукопожатием, видимо умение метать кирпичи прибавило ему определенной популярности. Следом заходит Сысоев, а потом и Верещагина, каштановые волосы которой превратились в ярко-рыжий горшок.

– О, а голубки зря время не теряют, – высмеивается она и вешает сумку на стул. – Должна сказать, из вас вышла отличная пара. Психопат и сумасшедшая.

Звягин отвечает ей широкой улыбкой.

– Зачем ты носишь лифчик третьего размера? – с полной серьезностью интересуется он. – Очевидно же, что грудь у тебя куда меньше.

Светка тут же осекается. Ядовитая улыбка спадает с ее ли-

ца.

– Откуда тебе знать?

– Я видел твои фото на взрослых сайтах. Их периодически просматривает мой отец. Вот такой старый извращенец мне попался. Но ты не волнуйся, он оставил наивысший отзыв.

По классу пробежались смешки. И даже я почувствовала некое удовлетворение.

– Что ты несешь, болван?

– Признайся, ты устала укладывать в него носки. Так откажись от этой глупой затеи. Перестань носить его... Вообще.

– Заткни свою пасть!

Но Звягин будто бы не слышал.

– Понимаю, когда у всех твоих подруг они трясутся при беге, а у тебя там ветер гуляет, невольно обзаводишься комплексами. Но на кой черт вы парней обманываете? Если я решу переспать с тобой, то перед тем как раздену, смогу обуть целый детский сад. Разве это справедливо? Не думаю.

Одноклассники окончательно сдаются. Приснув от смеха, я утыкаюсь носом в вязанную кофту, но сразу же затыкаюсь. Как бы то ни было, я являюсь ее подругой по несчастью, только вот до носков еще не додумалась.

– Чего вы ржете, дебилы? – взрывается Света. – Это все ложь!

– Если я ошибаюсь, докажи мне обратное, – издевается Витя. – Я буду не против признать свою вину. Уверен, меня

поддержат многие.

Все парни класса требовательно воют, а Верещагина становится пунцовой.

– Что за галдеж? – в кабинет входит Мария, и все усаживаются на свои места, а вот новичок снова обращается ко мне.

Проклятье.

– Так на чем мы там остановились? – игриво протягивает он.

– Ты собирался пересесть.

– Выдумки.

– Тогда это сделаю я, – моя рука взлетает в воздух. – Мария Анатольевна!

– Что?

– Пусть Звягин пересядет от меня. Я не хочу с ним сидеть... Он чем-то болеет. Учитель переводит взгляд на старшеклассника.

– Звягин?

– Только если к тебе на коленки, Мария, – заявляет он. – Не бойся, я мягенький.

– Так! Все! – не выдерживает учитель. – Четверть только началась, а вы уже мне нервы мотаете. Сидите так, как сели. Детский сад, ей богу.

Я разочарованно хватаюсь за голову. Все не может быть так плохо. Не может.

– У тебя есть вода? Жутко хочется пить.

Когда я открываю глаза, чтобы послать придурка, он уже

роется в моем рюкзаке.

– Ты совсем ошалел? Дай сюда, – я резко дергаю лямку, отчего она остается в руке Звягина. – У тебя с головой все в порядке?

– Жадина.

Он облизывает сухие губы.

– Ответь мне на один вопрос, почему я должна это терпеть?

– Почему я должен отвечать тебе? Ведь на мой вопрос ты не ответила.

Мне кажется, что я потихонечку схожу с ума.

– Ты ведешь себя, как пьяная свинья. В чем дело?

– В тебе...

Нет, я точно схожу с ума.

Я внимательно смотрю на него и жду пока он рассмеется, но этого не происходит. Звягин медленно тянется ко мне, и на секунду я решаю, что он хочет меня поцеловать.

Замираю.

– Что это за запах? – морщится он. – Что это?

В моей голове растерянно скачут догадки. Что это? Гель для душа «Тропический рай»?

Кондиционер «Ласка»? Или мазь от прыщей, что вручила мне мама? В это время нос Вити касается моего плеча.

– Вот черт, – бубнит он. Отводит голову, и его тошнит на пол.

– Вот черт! – взвизгиваю я и прилипаю к стене.

Класс начинает охать, а Мария подскакивает с места.

– Что там у вас опять такое? – кричит она, но когда видит причину смуты, пугается. – Варя, отведи его в медпункт. Срочно.

– Почему я?!

– Я не буду разбираться сейчас – почему! Отведи его, сейчас же, а Сысоев найдет техничку! Давайте, пошевеливайтесь! Боже, ну за что мне все это?

Взяв Звягина под плечо, я с горем донесла его до женского туалета. Около пяти минут он держал голову под напором холодной воды, но когда закончил процедуру ни капли не взбодрился. Он кайфовал от происходящего.

– Так ты ответишь мне? – спрашивает он, стряхивая воду с волос.

Чувствую, что уже готова расплакаться. До истерики не далеко.

– Да о чем ты, блин?

– Ты напишешь мне стих... когда меня не станет?

Меня прибирает смехом.

– Ох, не торопись умирать Звягин. Этому миру нужны контрасты, а ты явно выделяешься.

Парень изгибает светлую бровь.

– Ты считаешь меня особенным?

– Я этого не говорила.

– Но подумала.

– А ты что ли мысли читаешь умеешь?

Он подтягивает бегунок молнии до упора.

– Поверь, ты не сложнее детского ребуса. Я знаю, что нравлюсь тебе.

– Да пошел ты, – на этих словах я выскакиваю из туалета, но тот меня догоняет.

– Я у тебя под опекой, забыла? Ты должна следить за мной. Меня могут украсть.

Из меня вырывается смешок.

– Нужен ты кому, такой облеваный.

Одинокая лямка не держится на моем плече и Звягин молчаливо забирает рюкзак. Джентльмен из него отвратительный. И не мудрено, ведь прежде чем порвать рюкзак, он бесцеремонно в нем порылся.

– Как мне отвязаться от тебя? – вздыхаю я. – Устала.

Витя кладет свою руку мне на плечо и продолжает издеваться:

– Уверяю, скоро от моего дружелюбия ничего не останется. Этот эффект не вечный. Пользуйся моментом, пока я добренький.

– Что это значит?

– Варя! Варя! – мне навстречу бежит Ариша. Из-под ее курточки торчит слоистая белая юбка, на голове объемная корона из фольгированной бумаги, в волосах серебристый «дождик» – это был восьмой день ее пребывания в костюме снежинки.

– А это что за мишура? – удивлено моргает Витя.

Игнорируя его колкость, я подхожу к сестре.

– Ты почему не на уроке?

Арина беззаботно раскачивается на туфельках.

– Мы сдали поделки и нас отпустили. Я показала им твою голову. Мне «крыжовник» за это поставили.

– Голову? – изумляется Звягин, а потом наклоняется к девчужке. – Привет.

– Привет. Как тебя зовут?

– Витя.

Ее глаза расширяются.

– Прямо как дядю Витю с Антоновки?

– Да, именно, – смеется Звягин. – А тебя?

– Снежинка, – смущается Арина.

– Серьезно? Нужно быстрее идти на улицу, пока ты не растаяла. Как тебе такая идея? Моя сестра моментально очаровывается.

– Ура! Мы пойдем играть в снежки!

– Я не стану прогуливать школу! – возмущаюсь я, раскусив его планы.

– Ой, перестань, – отмахивается он. – Что интересного в этой литературе? Скажешь, что повела меня в больницу. Куртки возьмем в раздевалке. Прогуляемся.

– Пожалуйста, Варюся, – молится сестра. – Не будь жадиной.

– Да, Варя, не будь жадиной, – подначивает придурок.

Я смотрю то на одну, то на другого, а потом набираю воз-

духа в легкие. – Нет! И это не обсуждается! Я все сказала!

Пока Ариша катается на ржавой горке, я наблюдаю за довольным Звягиным и все больше разочаровываюсь в своей мягкотелости. Он и пяти минут не потратил, чтобы вывести меня на улицу и заставил наплевать на уроки, а ведь от мамы я получила последнее китайское предупреждение. Что я только вытворяю?

– Я жду твой ответ, – говорит Витя, закидывая руку на спинку лавки. – Ты напишешь мне стих?

Даже через куртку я чувствую касание его пальцев, отчего ерзаю на месте. – Вот пристал. Хорошо, я напишу тебе стих, доволен?

– Нет.

Мне следует брать антидепрессанты в школу. Определенно.

– Что еще? – спрашиваю я, убирая выбившиеся пряди с глаз.

– Признайся, что я тебе нравлюсь, – он говорит об этом так уверенно, что я сама начинаю в это верить.

– Я не стану обманывать.

– Ты не соврешь, если признаешься, Варя.

– Ладно, если я признаюсь, то ты отстанешь от меня?

– Ты уже это сделала, – улыбается он. – Так что я не отстану.

– Нет я... Я не это хотела...

Мне становится стыдно за собственную глупость. Я мол-

чу. Мы оба молчим. Звягин, скорее всего, думает какая я бестолковая, а я лишь убеждаюсь, что так оно и есть.

Кто ты такой, парень?

Мы гуляем уже около часу, но его глаза не прекращают блестеть. С ним явно что-то не так. А еще эти двусмысленные разговоры по поводу его временной дружелюбности откровенно пугают. Может, он действительно болен? Тошнотворной надоедливостью, например?

– Мама! Мама! – крикнула Арина, и я подорвалась с лавочки.

Серый «Nissan» мамы остановился рядом с площадкой. Она приехала за Ариной.

– Черт, – выругаюсь я, а потом смотрю на Звягина. – Сиди здесь, а лучше уйди, – приказываю и бегу навстречу опасности. Меня ждало недельное заключение и пожизненное лишение ноутбука, и все это из-за него.

– Варвара! – ноздри мамы раздуваются. Я замечаю это еще с далека. Меньше всего мне хочется устраивать скандал прилюдно. – Ты почему не в школе?

Я открываю рот, чтобы произнести полную чушь про внеплановый субботник, но меня опережают:

– Добрый день. Виктор, – представляется Звягин, протягивая руку. – А вы? Мама потерянно смотрит на парня. Ее гнев уходит на второй план.

– Я – мама Вари. Татьяна.

Витя бесстыдно оценивает мою ухоженную мать. Сliš-

ком очевидно. – Хм, а в кого Варя тогда?

Вот ублюдок.

На лице мамы возникает смущенная улыбка. Ариша висит на ее руке, а я нервно топчусь на месте.

– Она в папу. Он редактор.

– Вы не подумайте, Татьяна, – начинает Витя, – мы не прогуливаем. Нас попросили очистить школьное крыльцо от снега. Времени дали до конца смены. Но мы управились раньше и решили прогуляться. Думаю, это не станет для вас проблемой, правда?

Вот ублюдок. Пусть даже не надеется, что я поблагодарю его за это.

– Все нормально. Я не против, – лепечет мама, а я будто прибываю во сне, ведь от нее сложно добиться подобных эмоций. Звягин не волшебник, но чем-то явно обладает. Он без труда заставил меня прогулять школу. Гипнотизер, точно.

– Ладно, нам пора, – я толкая маму в спину, дабы побыстрее избавиться от Вити. – Пока! Увидимся завтра! – лезть так и лезет из меня.

– Не думаю, – бросает он.

Баран. Тупоголовый баран.

– Это твой парень? – воодушевленно шепчет мама. – Он симпатичный.

– О боги, нет. Просто друг.

Почему все так и норовят нас обвенчать?

– Витя! – неожиданно выкручивается мама, и он подходит. – В следующую субботу мы празднуем юбилей отца. Будем рады видеть тебя.

Мои глаза ползут вверх.

– Мама! Ты ведь шутишь, да? Скажи, что это неуместная шутка.

Но на меня уже никто не обращает внимания.

– Конечно. Спасибо за приглашение. Я обязательно буду.

– Отлично, – довольная мама прощается, садиться за руль и поторапливает меня нажатием в клаксон.

Я хватаюсь за голову и поворачиваюсь к Звягину. – Ты не посмеешь... – Еще как посмею.

– Я запрещаю, слышишь?

– Я приду не к тебе, – подмигивает он и на пятках разворачивается. – И да, передай своей маме, что у нее клевая задница.

Глава#8. Витя

*Просаженные мысли в голове ни о чём,
И сразу ты заводишься от одной спички.
Все мои вещи в сумке через плечо,
Я еду домой на ночной электричке.
Знаешь, мне нечем тушить, так что не заводись,
Это фирменный стиль – отъе*ать мне мозги.
Да, я грёбаный, грёбаный псих,
Но ты просишь: «Вернись», нах*я этот цирк?*

© Kavabanga Depo Kolibri – Не заводись.

Со школой было покончено. Сегодня я думал именно так. Она не нужна мне, я не нужен ей подавно. Особенно сейчас, когда держу за шиворот пьяного полуживого отца, который умудрился обменять мою зимнюю и единственную куртку на два медицинских фуфырика. Теперь спиртом он протрет рассеченную бровь, а быть может применит его как болеутоляющие, мне без разницы. Я думаю только о секретном поводе. Только о нем.

Не сомневаюсь, что как только покину его пьянка продолжится, и это несмотря на то, что он вернулся с больницы всего лишь несколько часов назад. Отец давно сделал свой выбор, а я сделал свой. Мы одинаково больны, но лечимся по-

разному. Он делает вид, что живет по совести, я открыто заявляю об ее отсутствии. Старый демагог кричит о морали и при этом ворует табурет на котором я сижу. Мне же легче забить его этим табуретом, но я продолжаю верить в невозможное. Ни я, ни он неизлечимы.

Стянув с него толстый вязанный свитер, пахнувший водкой и кровью, я покидаю пределы квартиры, выбегаю на улицу и судорожно набираю номер Геры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.